

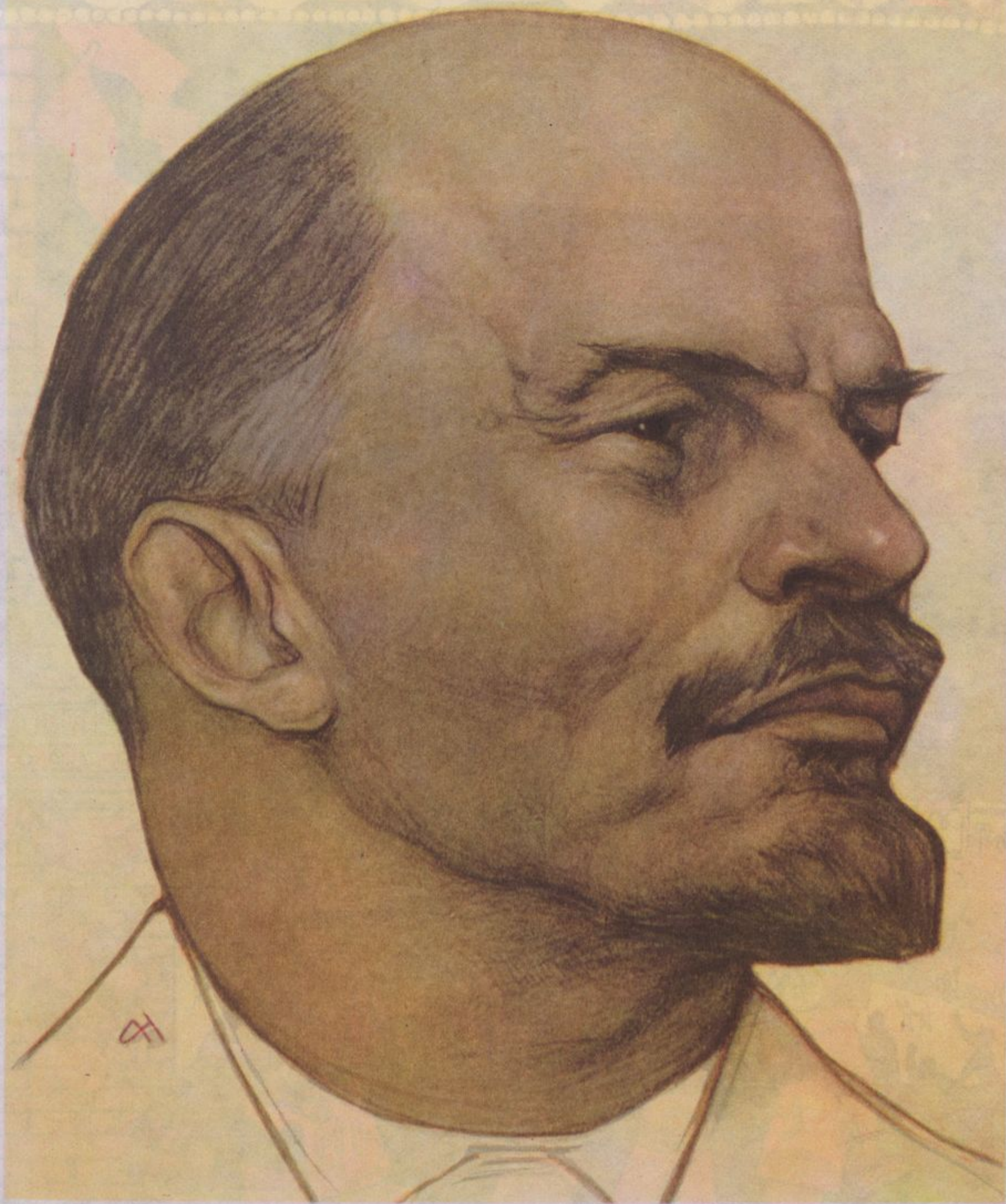

МУРЗИЛКА

№11

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
имени В. И. ЛЕНИНА для ОКТЯБРЯТ

НОЯБРЬ
1967

СТРАНА ЛЕНИНА

Дорогой друг, маленький гражданин страны Ленина! Вот и наступил праздник. Города, деревни нынче убраны флагами. Флагами украшены дома наших друзей в других странах. 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции празднует весь мир.

В разные времена — не сосчитать, сколько раз! — бедняки поднимались на борьбу с богатыми и всё не могли победить. Но пришёл год, когда трудящиеся прогнали угнетателей и установили власть народа. Это было в 1917 году в России. Восстанием рабочих и крестьян руководили Коммунистическая партия, вождь Владимир Ильич Ленин.

Дорогой друг! Гордись, что в нашей стране впервые сбылась самая давняя, самая заветная мечта людей — мечта о народной власти.

Нелегко быть первым. Ты и сам, верно, прокладывал тропинку в снегу, а может быть, переходил вброд незнакомую речку. Тогда ты знаешь, как это не просто. А народ наш стал прокладывать дорогу к счастью.

Был голод. Были разрушены фабрики, заводы. Четырнадцать капиталистических государств послали войска на помощь белогвардейцам, чтобы остановить нас. Мы победили врагов, голод, построили фабрики, заводы, электростанции. И упорно шли вперёд.

Да, нелегко быть первым. В твоём доме висят снимки людей в военных шинелях. Эти люди — твой дед, твой отец... Такие снимки есть в со-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

17-68-705

седнем доме, в домах на другой улице, в домах других городов. Снимков много, потому что нам ещё не однажды приходилось браться за оружие. Но мы победили всех, кто нападал на нас, победили самого страшного врага — фашистов. А на дорогу счастья, проложенную нами, вышли и другие страны. Гордись этим, дорогой друг!

Советская Родина сильная. Советская Родина обильная. Советская Родина красивая. Когда танцуют наши артисты, когда играют наши музыканты, когда летят наши самолеты и плывут наши корабли, мир замирает в восхищении. Мы первыми запустили спутник, первыми побывали в космосе. Гордись этим, дорогой друг! Как радостно быть первым!

В честь Великого Октября тебя называли октябрёнком. Ты живёшь в стране Ленина, народ которой под руководством Коммунистической партии продолжает дело великого вождя. Гордись этим, дорогой друг! Гордись и расти поскорее. Старшие верят, что ты и твои товарищи всегда и во всём будете первыми.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Я расту

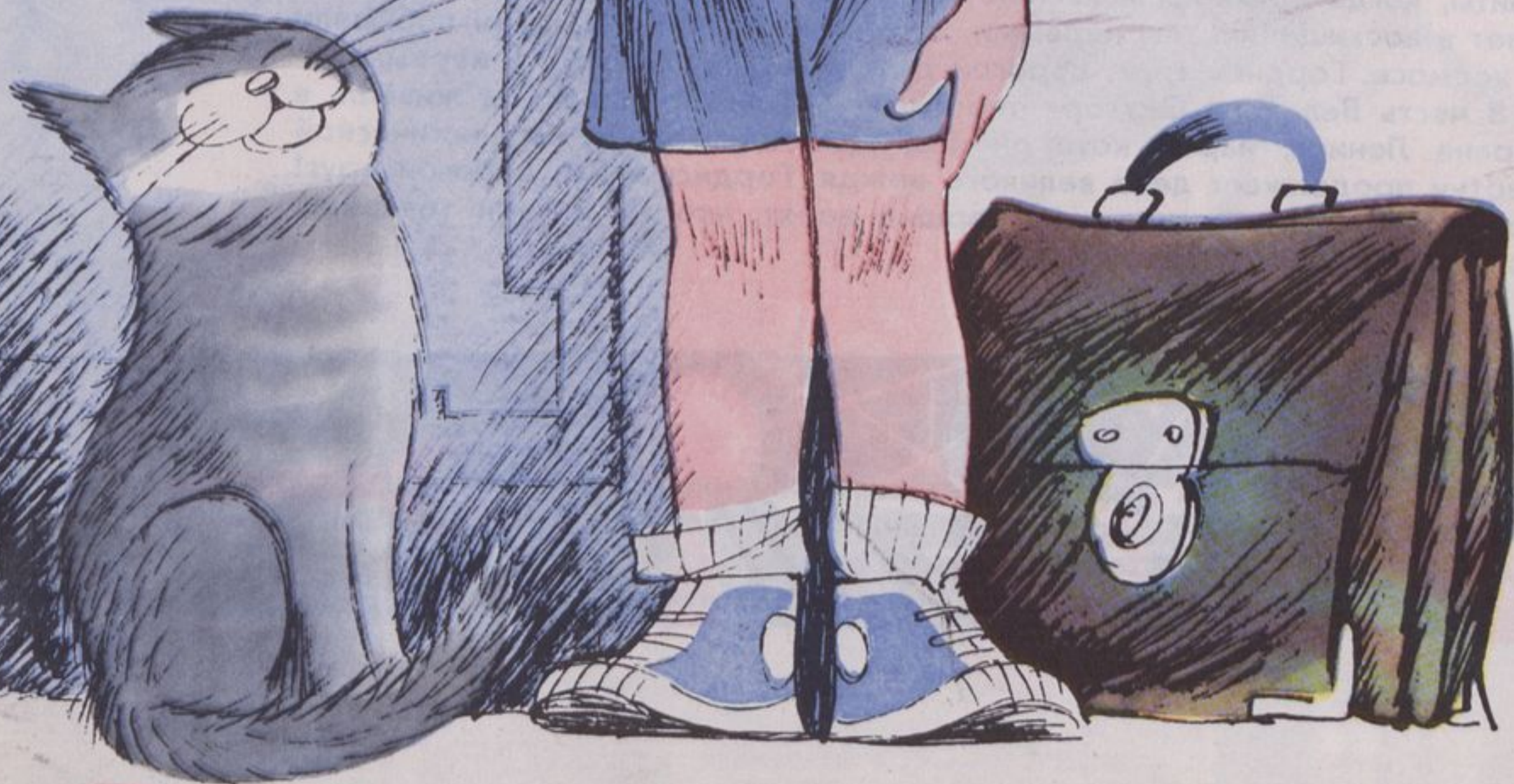
Агния БАРТО

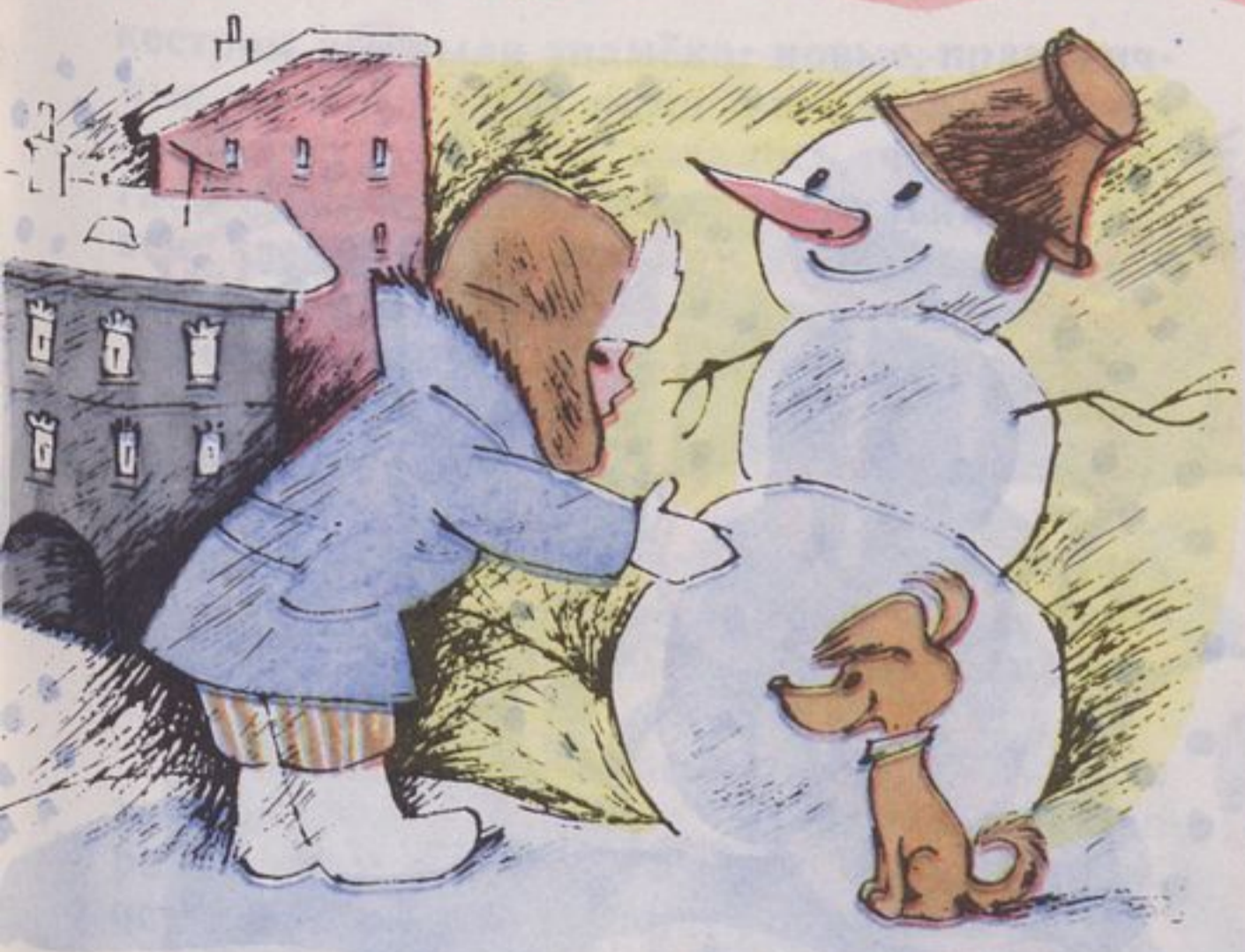
А я не знал, что я расту
Всё время, каждый час.
Я сел на стул—
Но я расту,
Расту, шагая в класс.

Расту,
Когда гляжу в окно,
Расту,
Когда сижу в кино,
Когда светло,
Когда темно,
Расту.
Расту я всё равно.

Идёт борьба
За чистоту,
Я подметаю —
И расту.

Сажусь я с книжкой
На тахту,
Читаю книжку —
И расту.

Стоим мы с папой
На мосту,
Он не растёт,
А я расту.

Отметку ставят
Мне не ту,
Я чуть не плачу,
Но расту.

Расту и в дождик
И в мороз.
Уже я маму
Перерос!

КЛЯТВА

3. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

День был хоть и майский, но студёный, ветреный, как в октябре. Липы совсем уж было приготовились сбросить румяные колпачки с туго закрученных листьев, да раздумали — холодно.

Только мальчишкам холод нипочём. Обжигая босые ноги о холодный булыжник, они носились возле завода, чего-то нетерпеливо ждали.

Большая Серпуховская улица жила своей обычной жизнью: у пекарни вытянулась длинная очередь за хлебом, по мостовой лениво цокали ломовые лошади, высекая подковами искры, изредка позванивал трамвай и скрежетал тормозами на поворотах.

Оживлённо было за высокой дощатой стеной завода. Сквозь щели забора мальчишкам было видно, как рабочие спешно наводили порядок на заводском дворе, ровняли дорогу от проходной к Гранатному цеху, посыпали её зернистым жёлтым гравием.

Ребята и свою помощь предлагали, но старый рабочий Пётр Никифорович, который всеми делами командовал, сердито крикнул:

— Марш по домам, простудитесь! Ишь, холодина какой!

В это время грянул марш, и на улицу из переулка вышел военный оркестр. Музыканты шагали посередине мостовой, дули в ярко начищенные медные трубы. За ор-

кестром выплыли знамёна: новые, праздничные, красные, а за ними шагал полк. И если зажмуриться, то казалось, что это шагает один очень большой и сильный человек, крепко на всю улицу выстукивая: раз-два, раз-два, раз-два!

Ребята мигом пристроились к оркестру и старались идти широким шагом, в такт музыке; и Кирюшка старался, хотя и был он меньше всех.

Раскрылись окна в домах, остановились прохожие, затормозил трамвай, и все смотрели на красноармейцев. Улица сразу стала праздничной.

А ребята, как и красноармейцы, глядели только вперёд и браво вошли в широко распахнутые ворота вместе с оркестром, остановились у входа в Гранатный цех.

Раз-два, раз-два, раз-два! — хрустит под ногами песок, красноармейцы проходят по расчищенной рабочими дороге, на которой ещё свежи полосы от железных граблей. Полк и сводная караульная дружина прошли в Гранатный цех. За ними потянулись рабочие; они заняли места вдоль стен, между станками, на подоконниках, оставив середину огромного цеха своим дорогим гостям.

Раздалась команда «вольно!».

Смотрят рабочие: худо одеты красноармейцы. Шинели пообтрёпаны, в дырах, в опалинах — видно, побывали в боях. Фуражки разные, на некоторых красноармейцах ещё зимние папахи. Башмаки разбиты, но у всех ноги в новеньких зелёных обмотках. А лица у всех сияющие, праздничные, раздумянились от холода, и под ветхими шинелями бьются молодые, горячие сердца.

Командиры, такие же юные, как и красноармейцы, в таких же новеньких обмотках, прохаживаются перед строем, чего-то ждут, волнуются.

— Смир-но! — неожиданно прозвучала команда.

И тут даже мальчишки вытянули руки по швам, спины выпрямили, животы втянули, вот только глаза не научились слушаться — скосились на боковую дверь.

Дверь распахнулась, и в цех вошли несколько человек.

На какой-то миг исчезли все звуки, и тут же взметнулось «ура-а-а!» — рабочие узнали Владимира Ильича Ленина. Он шёл рядом со Свердловым, в тёмном пальто, в кепке, чуть сдвинутой набок. Поднялся на трибуну, сбитуую из свежевоструганных досок.

Никогда ещё стены Гранатного цеха не слышали такого бурного ликования.

Владимир Ильич постоял минутку: вынул из кармана часы и выразительно постучал по крышке, посмотрел на командиров — чего же, мол, не наведёте порядок?

А командиры не могут сдержать радости. Повернулись к строю и, всё ещё не в силах согнать с лица улыбку, весело скомандовали:

— Смир-но!

Яков Михайлович Свердлов сильным, глуховатым голосом сказал:

— Сегодня у нас большой праздник, торжественный день, товарищи. Бойцы нашей юной, но уже проявившей себя в боях Красной Армии, принимают Торжественное обещание, дают клятву на верность народу. Я буду читать текст Торжественного обещания, и каждый из вас повторит его слова за мной.

Свердлов подошёл к краю трибуны. Владимир Ильич встал рядом с ним.

Перед трибуной мальчишки — запрокинули головы, во все глаза смотрят на Ленина. Владимир Ильич снял кепку, и Кирюшка снял, потом оглянулся на командиров — те взяли под козырёк. Кирюшка поспешно водворил на голову отцовскую солдатскую фуражку и крепко прижал оттопыренный большой палец к виску.

— «Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, — начал Яков Михайлович, — принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии».

— «Я, сын трудового народа...» — одним дыханием повторяли красноармейцы, и гулкие стены отозвались эхом.

— «Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской республики...»

— «Я обязуюсь... в борьбе за Российскую Социалистическую республику, за дело социализма и братство всех народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни...»

Пётр Никифорович смотрел на Владимира Ильича и думал: «Ты, Ильич, в юности дал клятву служить народу, вызволить его из неволи. Когда ты дал эту клятву? Может быть, в тот день, когда пришла страшная весть о казни твоего старшего брата, может быть, в камере казанской тюрьмы, когда был арестован за то, что поднял голос против бесправия и произвола на Руси, а может быть, ещё раньше, в симбирском саду, слушая рассказы отца о нужде и темноте народной? Никто не слышал этой клятвы, но все знают о ней по твоим делам, по подвигу твоей жизни. Ты сдержал её, и я, старый рабочий, клянусь вместе с сынами

нашими защищать нашу победу, нашу Советскую власть».

Прозвучали последние слова клятвы...

Наступила торжественная минута молчания, и командиры не спешили нарушить её.

А потом всё смешалось. Рабочие подходили к красноармейцам, жали им руки, поздравляли. Красноармейцы прикалывали себе на грудь красные звёзды, и Кирюшке страсть как захотелось носить на груди такую же звезду.

Ленин и Свердлов сошли с трибуны и тоже поздравляли красноармейцев.

Мальчишки ходили следом за Владимиром Ильичём, о чём-то перешёптывались.

Наконец, подталкиваемый ребятами, Кирюшка спросил:

— Вот мы хотим знать, а нас в Красную Армию примут?

Взрослые на Кирюшку зашикали — зачем такое озорство! — а Владимир Ильич дотронулся до Кирюшкиной фуражки, по-

нял, что это отцовская фуражка, и раз она на голове сына — значит погиб отец, серьёзно ответил:

— Ты обязательно будешь красноармейцем, настоящим защитником Советской страны.

В цехе было шумно, весело, а потом раздалась команда: «Строиться!» Рабочие встали по обе стороны живой стеной. Грянул марш.

Владимир Ильич смотрел на проходящих мимо молодых, сияющих отвагой красноармейцев и думал о том, какие тяжёлые испытания предостоят им.

И Кирюшке показалось, что большой и сильный человек зашагал ещё крепче, и теперь его шаг слышен, наверно, по всей советской земле: раз-два, раз-два, раз-два!

Это было в субботу, в студёный день 11 мая 1918 года в Москве, на заводе Михельсона, носящем теперь имя Владимира Ильича.

ЗВЁЗДЫ НА БАШНЯХ

М. КОРШУНОВ

Рис. Г. ДМИТРИЕВОЙ

Фёдор Иванович зажгёт звёзды Кремля: включил главный рубильник на пульте управления.

Это было давно.

С тех пор звёзды горят много лет, Фёдор Иванович следит за ними, чтобы не погасли, чтобы всегда были чистыми и светлыми. Он сам монтировал их, тянул электрические кабели. Сам когда-то вместе с верхолазами снял с башен Кремля медные царские орлы.

Фёдор Иванович в сапогах, в рабочей тужурке и в кепке с большим козырьком, переломанным посередине — потому что кепку заталкивает в карман, — не спеша идёт вдоль кремлёвской стены. От башни к башне.

Надо заглянуть в каждую из них. Послушать, как ведут себя механизмы охлаждения. Они посылают снизу по трубе холодный воздух, который остужает рубиновые стёкла звёзд.

Надо проверить исправность лебёдок для спуска и подъёма ламп, чтобы перегоревшую лампу можно было спустить и заменить новой. Лампы поднимаются и спускаются тросами по трубе охлаждения.

Надо очистить с фильтров пыль, а то попадёт в трубы охлаждения и в звёзды.

Фёдор Иванович не молод — ему шестьдесят четыре года. Но шагает он ровной привычной походкой.

Иногда останавливается, чтобы достать из тужурки папиросы и спички. Чиркнет спичку, прикроет её ладонью от ветра, закурит и отправится дальше.

Идёт по брусчатой мостовой мимо Потешного дворца, где прежде устраивались увеселения-потехи, мимо Арсенала, где хранилось оружие, мимо здания правительства Союза ССР, где работает сейчас наше правительство. Идёт мимо орудий, отбитых у Наполеона. Эти орудия стоят на белокаменном постаменте — гаубицы и мортиры.

Фёдор Иванович здоровается с экскурсоводами, с садовниками, с ребятами, которые прибегают в Кремль покормить голубей.

Со многими из ребят Фёдор Иванович знаком, и они вместе ходят проверять звёзды.

Ребятам это интересно. Шагают рядом с Фёдором Ивановичем вдоль кремлёвской стены. Спрашивают:

— Правда, что были всякие мосты? Там, где башни?

— Правда, — кивает Фёдор Иванович.

— А откуда это известно?

Фёдор Иванович показывает на щели в башнях. Щели похожи на замочные скважины.

— Сквозь них свешивались цепи к мостам.

Ребята удивляются — сколько ходили, а эти замочные скважины никто из них ни разу не заметил.

— А колодцы в башнях были?

— Были. И сейчас есть. Вон в той, угловой.

— В Арсенальной?

— Да. Колодец с питьевой водой.

Нет в Кремле башни, историю которой не знал бы Фёдор Иванович. Кто и зачем построил, что за мастер «каменносечной хитрости». И почему одна башня называется Набатной, а другая — Боровицкой или Водовзводной.

Набатная — потому, что на ней висел набатный колокол: «всполох». В него звонили, объявляли тревогу.

Боровицкая — потому, что в старину против неё на высоком холме шумел сосновый бор.

Водовзводная — потому, что в ней была установлена машина, подававшая по свинцовым трубам воду из Москвы-реки. Первый водопровод в Москве. Сооружение его стоило несколько бочонков золота.

Знал Фёдор Иванович, что через Тайницкую башню в Кремль вошёл Наполеон и хотел его взорвать. Но русские люди спасли основные постройки Кремля: погасили фитили пороховых мин. Знал, через какие башни в семнадцатом году ворвались в Кремль красногвардейцы и овладели им. Знал историю и про Спасскую башню и Владимира Ильича Ленина.

В дни Октябрьской революции, когда красногвардейцы штурмовали Кремль, снаряд попал в циферблат спасских часов.

Оборвался счёт старого времени.

Владимир Ильич решил починить часы, чтобы они начали отбивать новое время.

За работу взялся кремлёвский слесарь Беренс. Главное — надо было изготовить маятник. Беренс сделал примерный образец маятника, но точности добиться не смог.

Однажды Беренс встретился в Кремле с Лениным.

Владимир Ильич спросил, как идёт работа. Беренс ответил, что всё готово, только

вот с маятником затруднение. Никому не известно, как был сделан старый — сколько весил и какого был размера.

И тогда Владимир Ильич помог Беренсу вычислить вес и размер маятника.

Спасская башня наполнилась громким стуком часов. А когда начинали бить куранты — гудела, как стеклянная.

Ленин без кепки — он тоже часто заталкивал кепку в карман — стоял в чёрном демисезонном пальто с узким бархатным воротником и слушал бег нового времени!

Ребята и Фёдор Иванович особенно долго задерживаются в Спасской башне. Тоже стоят и слушают.

Когда куранты пробьют двенадцать, приходит дежурный часовщик. Он заводит часы, поднимает гири.

Раньше гири висели на толстых пеньковых канатах и поднимались вручную. А теперь они подвешены к стальным тросам и поднимаются электромоторами.

Фёдор Иванович совершает свои обходы башен и зимой, и летом, и осенью. В любую погоду.

Проверяет, регулирует механизмы.

Каждый в городе привык, что звёзды Кремля горят и днём и ночью. Бесперебойно.

И всегда они чистые и светлые.

Фёдор Иванович по-прежнему любит подниматься на башни. Любит постоять у кирпичных узких окошек, поглядеть на город, на Москву-реку.

С каждой башни видно разное.

За все эти годы многое изменилось. Ему особенно это хорошо видно отсюда, сверху. Зимой в башнях лежит снег, к окнам примерзают сосульки.

Летом на земляном полу появляются одуванчики. Их семена прилетают снизу, из Александровского парка.

Цветут одуванчики до осени, пока из Александровского парка ветер не забросит в окна жёлтые листья.

Продолжают идти и кремлёвские часы, пущенные Лениным. Спасская башня наполнена их громким стуком.

А когда начинают бить куранты — гудит, как стеклянная.

КОНКУРС «МУРЗИЛКИ» ЗАКОНЧИЛСЯ 72 тысячи рисунков

Конкурс, посвященный 50-летию Великого Октября, завершён. Редакция получила 72 тысячи писем с рисунками. Всем ребятам, приславшим свои работы, посланы дипломы. Победители получили подарки — книги с книжным знаком Мурзилки. Вместе с нашими советскими читателями в конкурсе участвовали 6 тысяч ребят из ГДР. Они тоже получили дипломы и премии.

«Конармеец». Рисунок Павлика ТОЛСТОВА, 7 лет, г. Ступино Московской области.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

СУСЛОВ Саша, г. Дзержинск Горьковской области. НАЗАРЯН Армен, г. Ереван. ИЛЬИН Слава, г. Красноярск. ТОЛСТИК Саша, г. Минск. БРАГИН Гена, г. Свердловск. ЛАВРЕНТЬЕВ Реня, Ленинград. ШКОЛЬНИКОВА Лора, г. Молодечно. ЭФА Андрей, г. Ухта, Коми АССР. НИМАЕВА Дарима, г. Улан-Удэ. СЕРГЕЕВ Вадим, г. Н.-Тура Свердловской области. ДЕВЯТКИНА Надя, г. Углич. ДАВЫДОВ Сергей, г. Ленинск Кзыл-Ординской области. КОРТУЗОВ Женя, г. Первоуральск Свердловской области. ПОНОМАРЕНКО Олег, г. Макинск Целиноградской области. ЧЕБАННЫЙ Алик, г. Ставрополь. БАЛТРУНИС Валдис, г. Эргли Латвийской ССР. СУГАТОВА Наташа, Ленинград. ВЕСЕЛОВА Люда, Ленинград. КУНОВСКИЙ Женя, г. Горький. САВЕНЯ Алла, г. Торез Донецкой области. ШИТИКОВА Марина, г. Дебальцево Донецкой области. ГАФУРОВ Рашид, г. Уфа. АМЕЛИН Сергей, с. Астраханка Оренбургской области. БЯЗРОВ Саша, г. Цхинвал Грузинской ССР. НИЧКОВ Саша, г. Кемерово. МАКАРОВ Саша, г. Микунь, Коми АССР. ЛЕМЕШЕВ Сергей, г. Харьков. СЕМЁНОВА Марина, г. Уфа. ДАНИЕЛЯН Саша, г. Сумгаит Азербайджанской ССР. БЕРДНИКОВ Боря, г. Ангарск. КУЛИЕВ Рустам, г. Баку. АНДРЕЕВА Марина, г. Ангарск. КОПЫЛОВ Вова, г. Нижний Тагил. ПОПОВ Вова, г. Вильнюс. ИВАНОВА Таня, г. Шадринск Курганской области. ГАЛИМОВ Марат, г. Ульяновск. ЛУХОВЦЕВ Андрей, Москва. БЕЛАВИНА Света, г. Рыбинск. БОЛЬШАКОВА Лена, Ленинград. ТОЛСТОВ Павлик, г. Ступино Московской области. БЕЛОШТЕНКО Серёжа, г. Астрахань. ШИЛОВ Саша, г. Мурманск. КУДРЕВАТОВА Галя, г. Хабаровск. РЯБИНИНА Оля, г. Мончегорск. ВИШНЯКОВА Лена, Ленинград. ИВАНОВА Таня, Ленинград. УСАТОВ Вова, г. Жигулёвск Куйбышевской области. МОХНАЧЁВ Ваня, г. Абакан Красноярского края. ИБАТУЛЛИН Халил, г. Чекмагунево Башкирской АССР. ВОРОБЬЁВ Серёжа, с. Изосимово Тамбовской области. КУДРЯШОВА Ира, г. Харьков. ЕРМАКОВА Люда, с. Дракино Воронежской области. САВИН Саша, с. Сергеевка Рязанской области. ИЛЬКИН Саша, с. Бочаты Кемеровской области. ЕФРЕМОВ Миша, г. Иваново. КАРПОВ Лёва, г. Пав-

«На Неве в праздник». Аппликация
Лены БОЛЬШАКОВОЙ, 9 лет, Ленинград.

лово Горьковской области. ОХМУШ Оля, г. Жмеринка Винницкой области. ЕРЁМИН Толя, г. Курган. ЦУГАНОВ Саша, д. Сысоево Ярославской области. СУЮШКИНА Рая, д. Красная Слободка Орловской области. СЕМЁНОВ Олег, Ленинград. ЕРЁМИН Вова, г. Суворов Тульской области. БАША Тоня, г. Поворино Воронежской области. ЧУРКИНА Люда, пос. Сосновское Горьковской области. БОДРАШОВА Таня, г. Загорск Московской области. ПЕРМИНОВ Гриша, с. Балезино Удмуртской АССР. ЧЕРЕПАНОВА Надя, г. Салехард Тюменской области. МАЛУЗОВА Оля, г. Дулёво Московской области. ЯКУШЕВ Саша, г. Омск. ЕВСЕЕВ Серёжа, д. Бузулук Орловской области. ПРОНЕНКО Саша, г. Кострома. СЕЛИНА Вера, хутор Берёзки Белгородской области. ЛЕОНОВА Таня, г. Тула. БЫЧКОВ Витя, с. Славкино Ульяновской области. ВОРОБЬЁВ Владик, г. Абай Караган-

динской области. ЕКИМОВА Света, г. Челябинск. ЛАПТЕВ Саша, с. Троицкое Оренбургской области. БАТАЛЬЩИКОВ Аркадий, г. Грозный. ШУМИЛОВ Вова, г. Люберцы Московской области. БЕНЕДИЦКИЙ Женя, г. Канск Красноярского края. КРЮКОВ Слава, г. Рязань. ГОЛУБОВСКАЯ Оля, г. Куйбышев. КАНТОР Женя, Москва. ЗАМЯТИНА Света, г. Красноярск.

Детский сад № 2, г. Макеевка Донецкой области (воспитатели Федорец В. К., Мягкая Е. В.). Ясли-сад, пос. Саракташ Оренбургской области (заведующая Паршина О. В.). Детский сад № 21, г. Андижан Узбекской ССР (воспитатель Дорошина В. И.). Детский сад № 85, г. Челябинск (воспитатель Кокорина Т. Н.). Детский сад № 11, г. Ступино (воспитатель Игнатова Р. Ф.). Детский сад, г. Железногорск-Илимский Иркутской области (инспектор Курганская).

ПИСЬМО ИЗ ЮГОСЛАВИИ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Поздравляю вас с праздником Великого Октября — вашим именинным днём и от души желаю самого наилучшего и самого праздничного!

В жизни есть много праздников: день рождения наших родителей и нас самих; первые дни весны; утро, когда за окном блеснут первые снежинки. Праздником для нас является и день, когда ракета прилуняется, когда в театре ставится новая интересная пьеса, когда выходит забавная новая книжка, когда открывается выставка любимого нами художника.

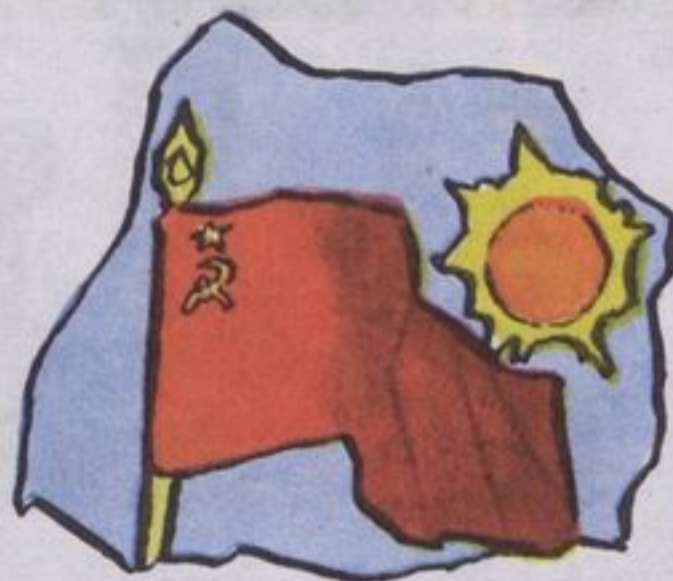
Но самый светлый, великий и радостный праздник для нас — это день освобождения нашей Родины от её врагов, день освобождения трудящихся от векового рабства.

Этот день, как светоч, впервые зажётся в вашей стране; и только потом он стал зажигаться, как восходящее солнце, и в других странах.

Поздравляя вас с этим светлым, с этим радостным для всех нас днём, днём который принёс детям всего мира лучшую жизнь, я вам, октябрюта, желаю: пусть в вашей стране будет ещё больше солнца и ещё больше октябрюта — будущих героев, достойных своих родителей и учителей.

*Народная поэтесса Югославии
Десанка МАКСИМОВИЧ*

СИЛЬНЕЕ

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Н. ТИХОНОВ

Флаг, переполненный огнём,
Цветущий, как заря,
И тонким золотом на нём
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.
Был побеждён народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.
В нём — человечеству привет,
И проще в мире флага нет;
В нём — нашей славы жаркий цвет,
И жарче в мире флага нет;
В нём — нашей силы грозный свет,
Сильнее в мире флага нет;
В нём — правда наших
красных лет.
Правдивей флага нет!

ФЛАГА НЕТ!

САМОЛЁТ

К. КУБИЛИНСКАС

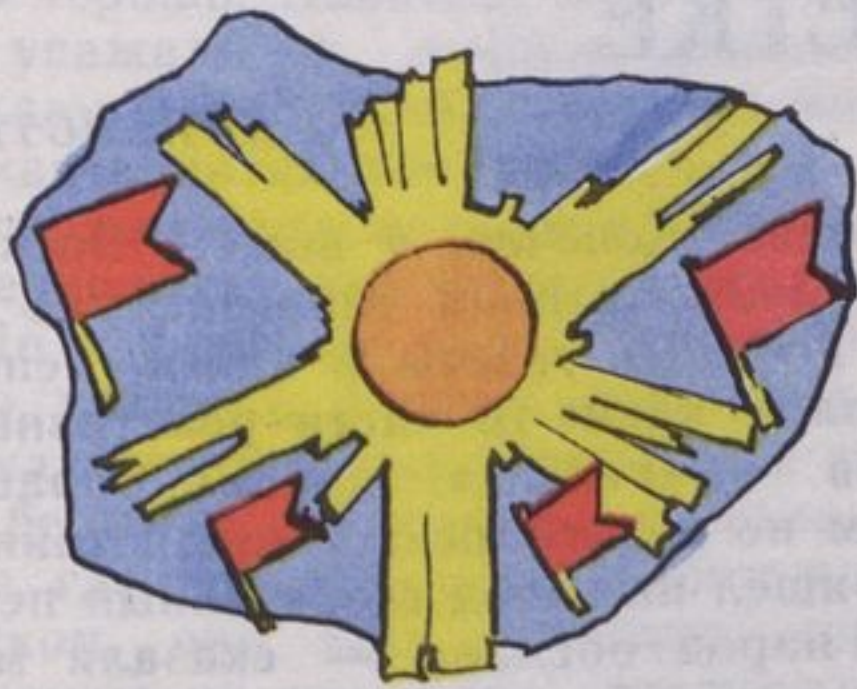
Самолёт мой быстрокрылый,
Ты лети за Неман милый
От полей моей Литвы
До красавицы Москвы!

Ты лети над Нерис светлой,
Над лесами, в дальний край...
Ты в Москве от нас приветы
Октябрятам передай.

Перевела с литовского
В. ТУШНОВА

ПЕСНЯ

Реваз МАРГИАНИ

Солнце всюду — в окнах, в доме,
Солнце рядом с нами,
Из-за гор выходит солнце —
И алеет знамя.
Солнце Октября на небе
Разгоняет тучи.
На флажке у октябрёнка
Тоже солнца лучик.

Перевёл с грузинского
Я. АКИМ

ПИСЬМО ИЗ ФРАНЦИИ

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!

Большой привет и поздравления
вашей стране, вашему журналу, всем
вам и вашим родным по случаю
50-й годовщины Великой Октябрь-
ской социалистической революции.

Моя профессия — писатель. А пи-
сатели всё могут — ведь они очень
похожи на волшебников.

Вот я, например, беру свою вол-
шебную палочку и вместе со своим
приветом посылаю вам аромат па-
рижских бульваров и зелёные листоч-
ки тополей с берегов Сены.

Моя хорошая подруга мадам Эй-
фелева башня склонила маленькую
железную голову к своей длинной
трёхсотметровой шее и попросила
передать её привет красным звёздам
Кремля.

Сена мне сказала, что шлёт привет
Москве-реке. А Гаронна просила по-
приветствовать Волгу.

И представьте себе, добряк Лафон-
тен, известный наш баснописец, ска-
зал, чтобы я обязательно передал
привет вашему баснописцу Крылову.

В этом письме Альпы и Пиренеи
передают привет Уралу и Кавказу,
а вся моя страна передаёт свои позд-
равления всей вашей земле. Это пре-
красно.

Это могущество дружбы и сердеч-
ности. Ведь только дружба сближает
народы и даёт им возможность луч-
ше узнать друг друга.

Хорошего вам всем здоровья, дол-
голетия вашему журналу и да здрав-
ствует мир!

Пьер ГАМАРРА

Рис. Э. БУЛАТОВА,
О. ВАСИЛЬЕВА

Над этой картой много лет
Трудились твой отец и дед.

Отважны были их дела,
И воля их сильна,
Чтобы прекрасною была
Советская страна.

Один построил Днепрогэс,
 Другой в глухом бору
 Поставил город, сдвинул лес,
 Украсил Ангару.

Быстрее расти — и в их строю
 Прославишь Родину свою!

ПТИЧКА В КЛЕТКЕ

Л. УСПЕНСКИЙ

Рис. Н. УСТИНОВА

Всю мою жизнь я прожил в Ленинграде. Я люблю Ленинград больше всех других городов мира.

Иногда меня спрашивают: «А за что?» Мне хочется ответить: «А за всё!» Но подумав, я прежде всего вспоминаю страшные и великие дни блокады. А размышляя, что мне всего памятней в блокаде, я невольно улыбаюсь и говорю себе: «Герой труда Павел Соколов!»

Вот как вышло дело с Павлом Соколовым.

Летом 1943 года командование приказало мне пойти на энский завод (так тогда говорили, охраняя военную тайну), посмотреть, что там делается, и заодно почитать рабочим фронтовые флотские рассказы.

Грешным делом, я подумал: «Ленинградские рабочие теперь сами живут на фронте. Немцы — рукой подать, каждый день обстрел, бомбёжки... Зачем им мои рассказы? Не дети же они...»

Но я был офицером флота; приказ —

это приказ. Конечно, я пошёл. Энский завод до войны строил типографские машины — печатать газеты и книги. Теперь он изготовлял какие-то части реактивных миномётов — «катюш». Какие? Спрашивать об этом не полагалось: военная тайна!

Я пришёл на завод в обеденный перерыв. «Пока народ обедает, — сказали мне, — хотите пройтись по цехам, посмотреть наше хозяйство?» Понятно — хочу. Пошли.

Был тёплый день, солнце. В пустых цехах стояли молчаливые станки: обед. Окна открыты, лучи падают косо, освещают всякое нужное железо. Людей — никого. За окнами — блокада: ни машин, ни трамваев. Когда не стреляют — тихо, как в лесу.

И вдруг я остановился...

В цеху пела птица. Зяблик или, может быть, чиж...

Инженер на костылях, который меня вёл, взглянув на меня, показал рукой на окно. У окна стоял станок, по-моему — токарный. Вокруг него были зачем-то устрое-

ны деревянные мостки; на станке рядом укреплен жестяной вымпелок: «Станок ударника П. К. Соколова». А над станком в оконном проёме, в солнечном луче, висела клетка. И в клетке то прыгал, то чистил носик о жёрдочку, то громко пел и сам себя с удовольствием слушал весёлый птиченок. И впрямь — чиж или зяблик.

Окно — на перерыв — было распахнуто настежь. За ним росла берёза; тёплый ветер то вбрасывал в цех, то вдруг убирал на улицу одну из её длинных плакучих веток-кос.

— Ударник-то ваш — любитель птиц, по-видимому? — спросил я у инженера.

— Помешан на птицах! — махнул тот рукой.

— Старик, поди?

— Да нет, не очень... — коротко сказал инженер. — А вы его увидите. Пойдёмте: ждут.

— Вы меня познакомьте с птицелюбом этим! — попросил я.

И мы пошли. Шёл я, признаюсь, не без лёгкого трепета: читать перед старыми питерскими рабочими?.. Ого!.. Гвардия, ветераны революции! А теперь ещё блокада. Экая суровая твёрдость, экая закалка! Перед такими людьми каждое слово взвесишь, каждую мысль трижды продумаешь...

В столовой собралось человек сорок. Они сидели за столами и слушали меня удивительно хорошо. Понятно: моряков в Ленинграде уважали и любили всегда, а уж в блокаду — особенно. А ведь на мне была флотская капитанская форма...

За первым столом против меня восседало и верно несколько усатых пожилых мужчин. Но в смешных местах эти усатые начинали хохотать раньше остальных, да и замолкали всех позже. Один даже вытирал глаза белым с каёмочкой платком. В местах же, где речь шла о печальном или о героическом, они все, как один, суровели, и морщины на их лбах разглаживались труднее, чем на других.

А другие — были. Среди стариков я заметил пятерых женщин в ватниках и около десятка подростков. Это меня не удивило. «Ясно. Подобрали оставшихся в городе ремесленников и пристроили к делу, — подумал я. — Главным образом подкармливают, конечно!»

Самый низкорослый из этих пареньков сидел совсем близко, прямо передо мной, рядом с коренастым пожилым человеком — похоже, слесарем. На нём была старенькая форменная одежда мышиного цвета. Он

был худоват, малокровен — блокада же! — казался одиннадцати- или двенадцатилетним.

С первого же слова он как уставился на меня неподвижными большущими тёмно-серыми глазами, так и не оторвался до конца. Когда матросы — там, в моих рассказах — ходили в четвёртую атаку на берег, когда катера неслись на противника

под огнём с финских батарей, когда девушка-снайпер внезапно разглядела фашистского стрелка-аса за можжевёловым кустом у Копорья, он так весь подавался вперёд, так закрывал глаза, что скоро я стал читать вроде как для него одного: очень уж переживал он всё это вместе с моими героями.

Коренастый слесарь тоже видел его. Чуть улыбнувшись в усы, он вдруг поднял и положил на худенькое плечо соседа свою большую короткопалую руку. И когда тот дёргался от волнения, он очень ласково пожимал это ребячье худое плечо. «Ну, ну, мол... Чего уж там! Переживём!»

Так у него это хорошо получалось, что мне вдруг подумалось: «А пусть этот кряжистый дядя и окажется тем самым любителем птиц. Смотрите, как здорово: орден у него, Красная Звезда, фронтовик, значит. И ударник. И с птицей возится. И вон он, с парнем — как прекрасно...»

Теперь я читал обоим им: экая милая пара!

...Я кончил. Мне похлопали. Ещё бы: капитан флота, блокадник, свой — и вдруг писатель! Интересно же...

Народ встал, меня окружили, заговорили...

— Товарищи! — сказал я. — Познакомили бы вы меня с Соколовым, Пе-Ка... Это он? — И я указал на слесаря.

— Никак нет, — ответило мне несколько

голосов. — Это тоже Соколов, только Пе-Эн, Павел Никифорович.

— Никифорович. А ну, дай-ка нам тёзку сюда...

И плечистый человек, которого я в воображении своём признал за Соколова Пе-Ка, ударника, поймав крепкой своей рукой за шиворот того самого глазастого тощенького парнишку, подтянул его к нам.

— Вот он, товарищ капитан, тёзка мой, наш Пе-Ка знаменитый, — хрипловатым голосом отставного боцмана или старшины и с такой гордостью, точно своего собственного сына, представил он мне мальчугана — чудо блокадного Ленинграда. — Четырнадцать лет шесть недель от роду, как один день, а в пору иному старику в пример ставить. За станком — взрослую норму четвёртый месяц даёт. При налётах вражеской авиации он на посту, на крыше. Запрещали! Не слушается, хоть колючей проволокой привяжи: в момент на втором цеху на крыше — оттуда дальше видать. Да что же ты помалкиваешь, Павел Константинович? Садись против капитана, беседуйте. Рассказывай про себя.

Полное отчаяние выразилось на бледненьком — одни глаза! — лице мальчишки.

— Да, Павел Никифорович, да я... Да что говорить-то? Я...

И тут произошла вторая неожиданность. Хотя какая там неожиданность: произошло самое тогда обычное. Вдруг, как гром из ясного неба, взвыла из радиорупора мощная общегородская сирена. Тотчас же — «У-у-у-о-о-о-а-а-а!» — её горестный вопль подхватила вторая, местная, на заводском дворе. «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» — раздался нечеловеческий, давно записанный на плёнку, всем знакомый холодный голос репродуктора. И...

И тут Пе-Ка Соколов, храбрец, ударник труда завился ужом, вырываясь от своего однофамильца.

— Ой, Павел Никифорович, ой... ой, отпустите меня ради бога... Не могу же я... Там же — окно открыто... Я и боюсь... Мне в убежище надо...

Старый слесарь поднял брови, проворчал что-то и разжал пальцы.

Хорошо, что я человек неторопливый: я не сказал сразу того, что мне пришло в голову.

Павел Никифорович Соколов стоял и пронзительно смотрел на меня. Строго так смотрел, точно спрашивал: «А ну, писатель, какие у тебя мысли?»

— Побегал! — проговорил он наконец, не отводя от меня глаз. — Думаете, струсил? Верно: струсил! За кого? За чижа своего, за такое сокровище! И ничего смешного, у него ещё в сорок втором дом разбомбили. Была мать — нет матери. Сестрёнка была, лет пяти, — он её нянчил — нет сестрёнки. О ком ему хлопотать, заботиться? Струсил! Окно-то открыто; вдруг волной клетку расшибёт, птицу ударит? Он теперь — клетку в руки, мигом в убежище, спрячет — и на крышу. Вот там он не пугается. Там он первый герой.

Павлик Соколов пришёл на завод осенью прошлого года. То есть как пришёл: привели. После той бомбёжки он попал в госпиталь. Он и спасся-то чудом: две стены, падая, сошлись над ним крышей и не распались. Его отрыли через сутки...

После госпиталя он убежал из общежития ремесленников на фронт, к Пулкову. Вернули: куда ж такого? Еле живой парнишка... И вот — завод. И тут, оказалось, у этого Соколова талант. Точно родился токарем, да каким! В Ленинграде в то время каждая пара рук была вот как дорога. Приспособили ему самый маленький станок, мостки вокруг сделали: так-то ему не дотянуться до суппорта. И вот начал он работать. Зло работал, точно на деталях свою беду срывал. Но работал классно, всю зиму... А весной заметили, стал «запарывать» детали. Задумываться, что ли... Почему? Присмотрелись, а это — воробьи. Свили над нашим окном гнездо, вывели детей, чириканье, возня... И он — ну мальчишка же ещё — как на них заглядится, станок вз-вз... а он всё забыл. Со столов крошки собирает, им сыплет на подоконник.

Ну вот как-то, — торопливо продолжал Павел Соколов-второй, — придумали — добыли ему чижа.

— «Придумали! Добыли!» — зашумели вокруг. — Он сам всё и придумал, Никифорович. Ну как же, тёзка же, однофамилец: дружба у них получилась... И где только ты посреди блокады птицу достал — вот фокус!..

— На Островах поймал, — неохотно признался Павел Никифорович.

— То-то что на Островах. Но надо же! Ну, клетку, конечно, сделали, повесили всё хозяйство с вечера над станком ему в сюрприз, смотрим.

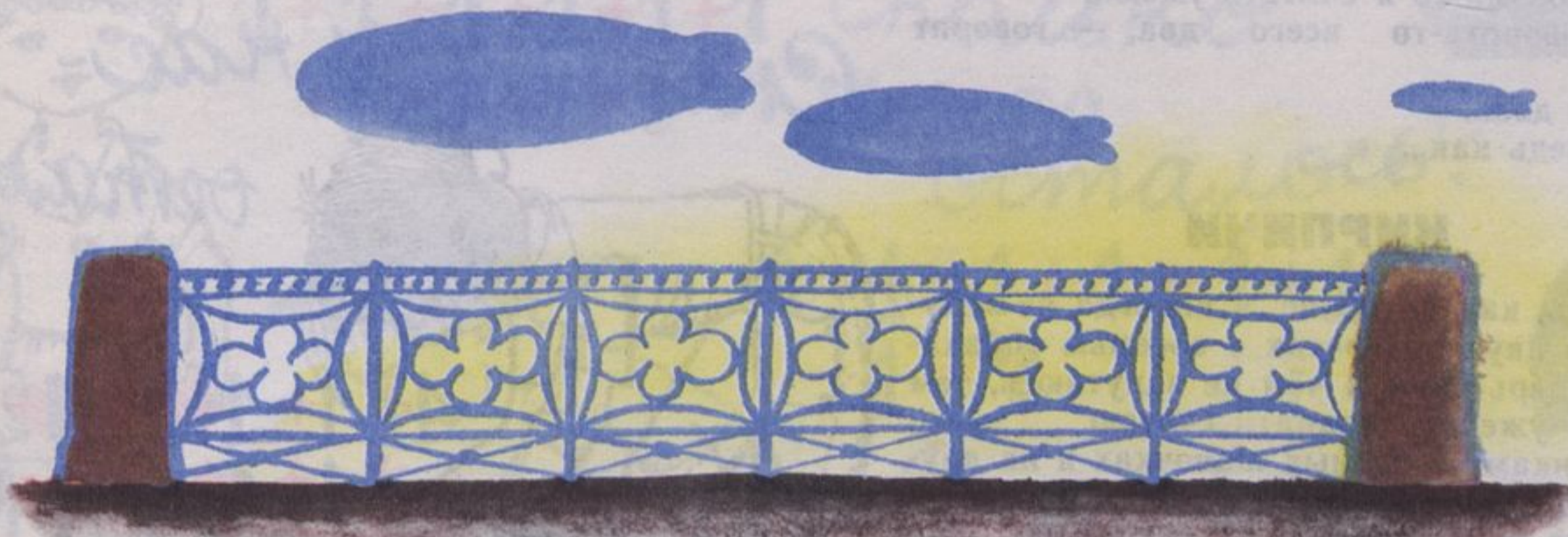
Он пришёл, увидел... Верит и не верит: «Это мне?.. Это мой?..» Потом замолчал, руки к груди прижал, стоит и сказать ничего не может.

— Ну, тут воробьям отставка, работа пошла хорошо, показатели растут. Но к клетке не подходите: кидается, как зверь. И вот, сами вы видели: обстрел или бомбёжка — тут уж с ним сообразу нет. Пока чижа в убежище не доставит, весь дрожит: боится. За себя — ничуть, а за чижа, как за ребёнка.

— А что? Он же у него единственный остался, которому его помощь нужна, — сказал тихий женский голос. — Эх, моя бы воля, я бы этого Гитлера проклятого на шурупчики-гаечки всего бы разобрала! За одного за Павлика этого, за его сиротство горькое.

— И разберём, Наташа, — тотчас же ответили женщине. — Будь спокойна, разберём. И его, и ещё многих... Не мы, так другие. Чтоб неповадно было.

Когда я слышу слово «Ленинград», я вспоминаю блокаду. А подумав «блокада», непременно вижу перед собой четырнадцатилетнего токаря Павла Соколова и над ним, в солнечном луче, птичку. Птичку в клетке. Не могу забыть...

1 2 3

ОДИН, ДВА, ТРИ...

Продолжение

В. ГОЛЯВКИН

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА,
Б. КЫШТЫМОВА

СЪЕЛ СОБАК

На другой день встречаю во дворе Алика в зелёной шапочке и Алика в красной шапочке. Стоят они, обнявшись, и меня дразнят:

Если б ты считать умел,
Три собаки бы не съел!

— Никаких я собак не ел! — говорю.

— Съел! Съел! — кричат и хохочут, кривляются, а мне обидно.

Хорошо, Алика в зелёной шапочке мама позвала, а другой Алик за ним побежал.

Из-за каких-то трёх цифр так расстроился, не знаю, как мне быть. Всего-навсего три собаки, а такое скверное настроение!

Рассказываю вечером отцу эту историю, а он мне говорит:

— Выходит, ты сам задачку с собаками придумал, а решить её не смог. Не такая уж сложная задачка: до восьми сосчитать.

— Всё оттого, что я в поворотах запутался, до восьми-то я считать умею...

— Поворота-то всего два, — говорит отец.

Всего два...

Вот ведь как...

КИРПИЧИ

Теперь, казалось мне, я никогда не запутаюсь в двух поворотах с восемью собаками. Теперь я ни в чём не запутаюсь, тем более я уже до двадцати считаю.

С Аликами в разных шапочках я на другой день помирился, но тут чуть новая история не приключилась.

Дело было так.

Алик в зелёной шапочке нашёл на свалке 2 дырявых таза.

Алик в красной шапочке нашёл 1 ржавое ведро.

Я нашёл 3 почти новых замка.

Потом Алик в зелёной шапочке нашёл 4 куса электрического провода. И ещё Алик в красной шапочке нашёл 2 старых чайника. И я потом нашёл 1 стальной прут.

Мы всё оставили на свалке, раз некуда было наши находки дома положить. Когда найдём место, куда всё сложить, тогда и возьмём.

Сколько у нас

осталось?

$1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 = ?$

$1 + 1 + 1$

Сидим около парадной, в уме считаем, сколько мы всего вещей нашли. 2 таза + 1 ведро + 3 замка + 4 куска провода + 2 чайника + 1 прут. Сколько будет?

Встали, ходим по двору как сумасшедшие и всё решаем, решаем... Значит: 2 + 1 + 3 + 4 + 2 + 1... будет...

Так...

Итак...

Ничего у нас не получилось, никак не решить, галдёж стоит во дворе жуткий, каждый называет свою цифру, совсем запутались, побежали на свалку, чтобы все вещи сосчитать.

А их там уже нету.

Всю свалку увезли.

Дворник говорит:

— Кончилось ваше счастье. Не придётся вам больше в мусоре возиться.

Мы дворнику объясняем, что хотели посчитать вещи, которые нашли, а он нам отвечает:

— Завтра здесь будут деревья сажать, вот и приходите, посчитайте.

Мы отошли, сели на кирпичи.

Вдруг Алик в красной шапочке говорит:

— Давайте по кирпичам посчитаем, будто это те вещи, а не кирпичи. Надо же знать, сколько мы вещей собрали. Тем бо-

лее мы их теперь больше никогда не увидим.

Мы разложили кирпичи в ряд, будто каждый кирпич — это вещь, а потом спокойно посчитали, без всякого труда.

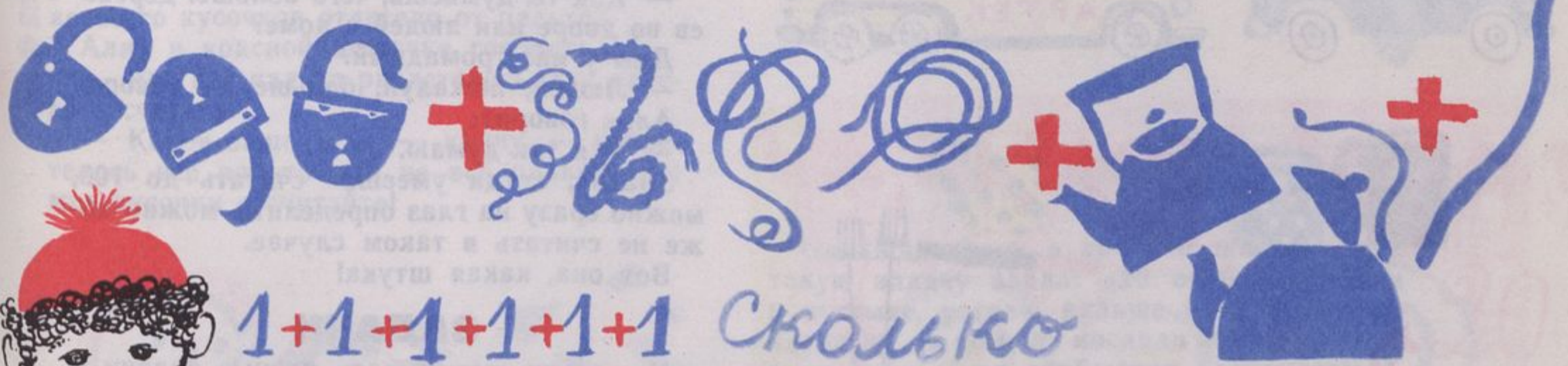
Сколько же мы всего вещей собрали? Попробуй-ка без кирпичей посчитать. Потом мы 3 кирпича отняли (то есть 3 моих замка). Сколько у нас осталось?

Потом еще 1 кирпич отняли (то есть 1 ржавое ведро). Сколько у нас осталось?

А потом 2 кирпича прибавили (то есть 2 дырявых таза прибавили). Сколько у нас получилось?

Прибавляли, отнимали. Очень было интересно, настоящая игра! Без кирпичей попробуй так быстро прибавь да отними! А с кирпичами легко.

Да и не только на кирпичях считать можно, а на чём угодно: на пальцах (загибай себе пальцы да считай!), на кубиках (складывай да отнимай!), на листочках, игрушках, книжках, камнях, палочках, трамваях, троллейбусах (стой да считай, сколько троллейбусов проехало в одну сторону, а сколько в другую. Сколько проехало троллейбусов, а сколько автобусов). Можно считать на стаканах и тарелках (сколько стоит стаканов на столе и сколько тарелок? Тарелок или стаканов больше стоит на столе?).

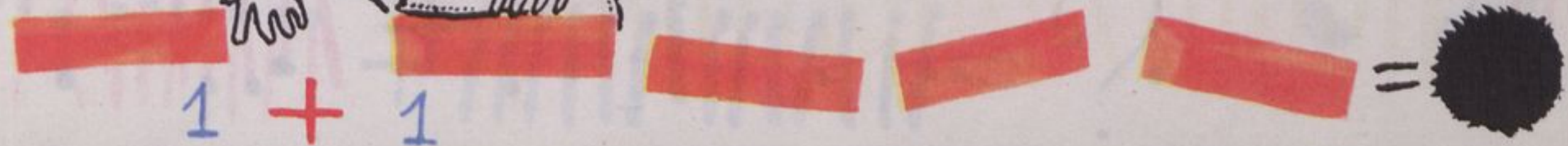
$$1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 = ?$$

Сколько у нас осталось?

$$1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 = ?$$

Сколько у нас получилось?

Можно считать чашки, ложки, ступеньки, полотенца, двери, окна, шкафы, магазины, людей, кошек, собак, столбы, лужи, письма, города, килограммы и километры, моря, озёра, реки — всё, всё, всё...

ДЕРЕВЬЯ

Такие маленькие симпатичные деревца посадили возле нашего дома. Мы сразу их считать бросились. Ходим, гуляем и считаем. До двадцати сосчитаем — и снова начинаем. Дальше считать не умеем, а много деревьев остаётся. Значит, больше двадцати.

Ещё несколько мальчишек к нам приба-

вилось. Хохочем, прыгаем, скачем и считаем.

Школьники подошли, на нас смотрят. Видят, мы только до двадцати считать умеем, кричат:

— А дальше как?

А мы не знаем.

Алик в зелёной шапочке кричит:

— А дальше: и так далее...

— А дальше — 100! — кричат нам школьники.

Алик в красной шапочке говорит:

— Слишком много. Сразу 100 не может быть.

Школьники над нами хохочут, а мы уже не хохочем.

Обидно, что дальше считать не можем, возмутительная картина. Какой уж тут смех!

Тогда один школьник посчитал дальше деревья до 30 и говорит:

— Вот теперь: и так далее.

Так я научился до 30 считать, а там уже легко и до 100 сосчитать, если понять «и так далее». Вы у своих родителей спросите, они вам с удовольствием объяснят, при чём здесь «и так далее».

Много нам деревьев посадили.

Алик в красной шапочке говорит:

— Как ты думаешь, чего больше: деревьев во дворе или людей в доме?

Дом у нас громадный.

— Людей, пожалуй, больше, — говорю.

Алик говорит:

— И я так думаю.

Значит, когда умеешь считать до 100, можно сразу на глаз определить, можно даже не считать в таком случае.

Вот она, такая штука!

ЗАДАЧИ

Мы стали выдумывать разные задачи и решать.

То Алик в красной шапочке ко мне подсказывает:

— Купили 5 килограммов картофеля. 2 килограмма, пока несли, из сетки высыпались на улицу. Сколько килограммов картофеля осталось в сетке?

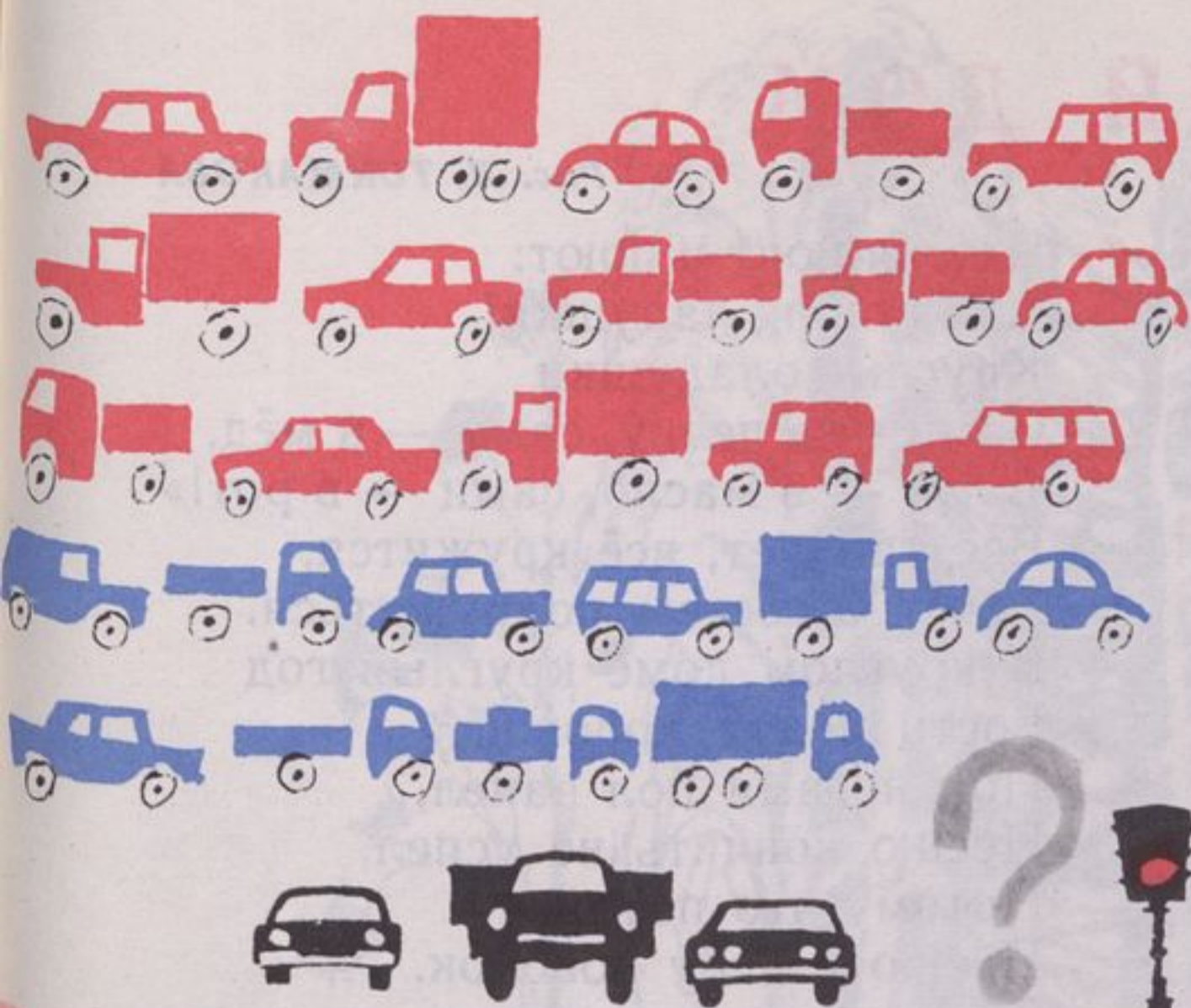
То Алик в зелёной шапочке подбегает:

— Ехали 15 машин в одну сторону, а 13 машин в другую сторону. 3 машины остановились. Сколько машин не остановилось?

Или я подсказываю к двум Аликам:

— Купили ребёнку пальто. Он полез че-

рез забор и разорвал пальто в одном месте на 25 мелких кусочков, но они ещё держались. В это время на него напала собака и вырвала те 25 кусочков и вдобавок вырвала ещё 13 кусочков. Сколько всего кусочков вырвала собака?

Алики кричат:

— Что же у него тогда от пальто осталось? Ничего, выходит, не осталось?

— Какое ваше дело? — говорю. — Осталось что-нибудь или не осталось, вы в сторону не отвлекайтесь, я спрашиваю: сколько всего кусочков отлетело от пальто?

Алик в красной шапочке говорит:

— Раз всё пальто разлетелось, так нечего и считать.

— Какое ваше дело, — кричу, — разлетелось всё пальто или не всё пальто? Вы мне кусочки сосчитайте!

Алик в зелёной шапочке говорит:
— Зачем же всё-таки считать, раз от пальто ничего не осталось?

— Ага! — говорю. — Не можете сосчитать! К пальто привязались, а кусочки сосчитать не можете!

— А пуговицы куда делись?

— Про пуговицы будет другая задача.

В конце концов они кусочки сосчитали, всё правильно у них получилось, только долго спорили. Я им про пуговицы задачу предложил: «Один мальчик проиграл в пуговичный футбол 28 пуговиц. Ни одной пуговицы у него не осталось. Сколько было у него пуговиц?»

— Тут и считать нечего, ясно — 28.

— Молодцы! — говорю. — Талантливые вы ребята, сразу догадались, что считать нечего!

Сосчитай-ка...

Однажды Алик в красной шапочке мне такую задачу задал: «20 верблюдов шли в пустыне, устали, дальше идти не могут. Тогда им на помощь послали 40 вертолётов, и на вертолётах верблюдов увезли домой. Сколько было верблюдов и вертолётов?»

Я сразу сказал, что верблюд на вертолёте не поместится, а он говорит: «Смотря какой верблюд, очень даже поместится». Я по этому поводу даже в газету написал: «Дорогая редакция, очень вас прошу ответить мне, может ли верблюд поместиться в вертолёте?» И ещё я никак не мог понять, с какой стати 40 вертолётов послали, если верблюдов 20? На одного верблюда по два вертолёта, что ли? Оказывается, просто так, чтобы труднее было сосчитать.

Самим выдумывать задачи не так-то просто, вот у нас и происходили споры.

Окончание в следующем номере.

$$\begin{array}{r} 20 \\ + 40 \\ \hline ? \end{array}$$

КРУГЛЫЙ ДОМ

Семён ДАНИЛОВ

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Юрта, юрта, круглый дом!
Побывайте в доме том.
У него всего одна
Очень круглая стена.
До чего ж она кругла —
Ни единого угла!
В круглом доме круглый год
Стенка водит хоровод,
Дверь не закрывает,
В гости зазывает.
Гости явятся едва,
В печку прыгают дрова,
Печка жарко топится,
Угостить торопится.
В круглом доме круглый год
Вещи водят хоровод.
Круглый стол расхаживает,
Сам гостей рассаживает,
Ложки круглые снуют,

Чашки поят и поют:
«Ладушки, ладушки!
Круглые оладушки
Сами — в печку, сами — в мёд,
Сами — в масло, сами — в рот!»
Всё танцует, всё кружится,
Хочет с гостем подружиться.
В круглом доме круглый год
Гости водят хоровод.
Под ногами пол запел,
Песню кончить не успел,
Потому что потолок
Песню к небу поволок.
Смолкли песни, стихли пляски...
Дом рассказывает сказки.
В круглом доме круглый год
Гостю доброму почёт!

*Вольный перевод с якутского
В. БЕРЕСТОВА*

БЕЛЫМ ПО ЧЁРНОМУ

Н. СЛАДКОВ

Н о я б р ь

Рис. Н. УСТИНОВА

Сыплет белый снег на чёрную землю. Всё вокруг становится пегим. Лес полосатый — как бока зебры. Борозды пашни — как клавиши у рояля.

На белых речках — чёрные полыньи, на чёрных дорогах — белые лужи. На бело-чёрных берёзках чёрно-белые сороки сидят.

«Приехал ноябрь на пегой кобыле».

Чёрное озеро и белые берега. Чёрные пни в белых шапках. Чёрные галки над белым полем.

Белые зайцы на чёрной земле. Белые муравейники у чёрных стволов. Белые кочки на чёрном болоте.

Всё двухцветное и рябое.

Чёрный дом с белой крышей. Белый дым из чёрной трубы. Чёрный стог с белым боком.

Одно небо ровное — серое и глухое.

Ни звонкого голоса, ни гулкового эха. Всё как-то исподволь, шёпотом, стороной. То дряблая оттепель, то упругий мороз. Серо и сыро, пусто и глухо. Полузима-полуосень, полудень-полувечер.

Робко напутали, напетляли по снегу птицы и звери. И только человек прошагал — как расписался. Чётко и твёрдо — как чёрным по белому.

ПОДУМАЙ— ОТГАДАЙ

У Мурзилки есть верные друзья. Ты можешь узнать, кто они, если решишь нашу задачу.

В этих картинках спрятаны буквы. Первую букву держит за верёвочку Мурзилка. Вторую ты прочтёшь, если к пунктирной линии поставишь зеркало и посмотришь в него. Третью букву найдёшь на кирпичной стене. Четвёртая буква не любит ходить в паре. У клоуна только она

одна. Пятую букву ищи на первом рисунке. К ней идёт нитка от бабушкиного вязанья. Шестую букву ты увидишь на крыльях мельницы в жёлтом квадратике. Надо только написать в клетках имена тех, кто нарисован возле мельницы. Седьмая буква повторяется в словах «мяч» и «яблоко». Восьмую и девятую буквы найдёшь на последней картинке. С них начинается название транспорта и пассажира.

Л

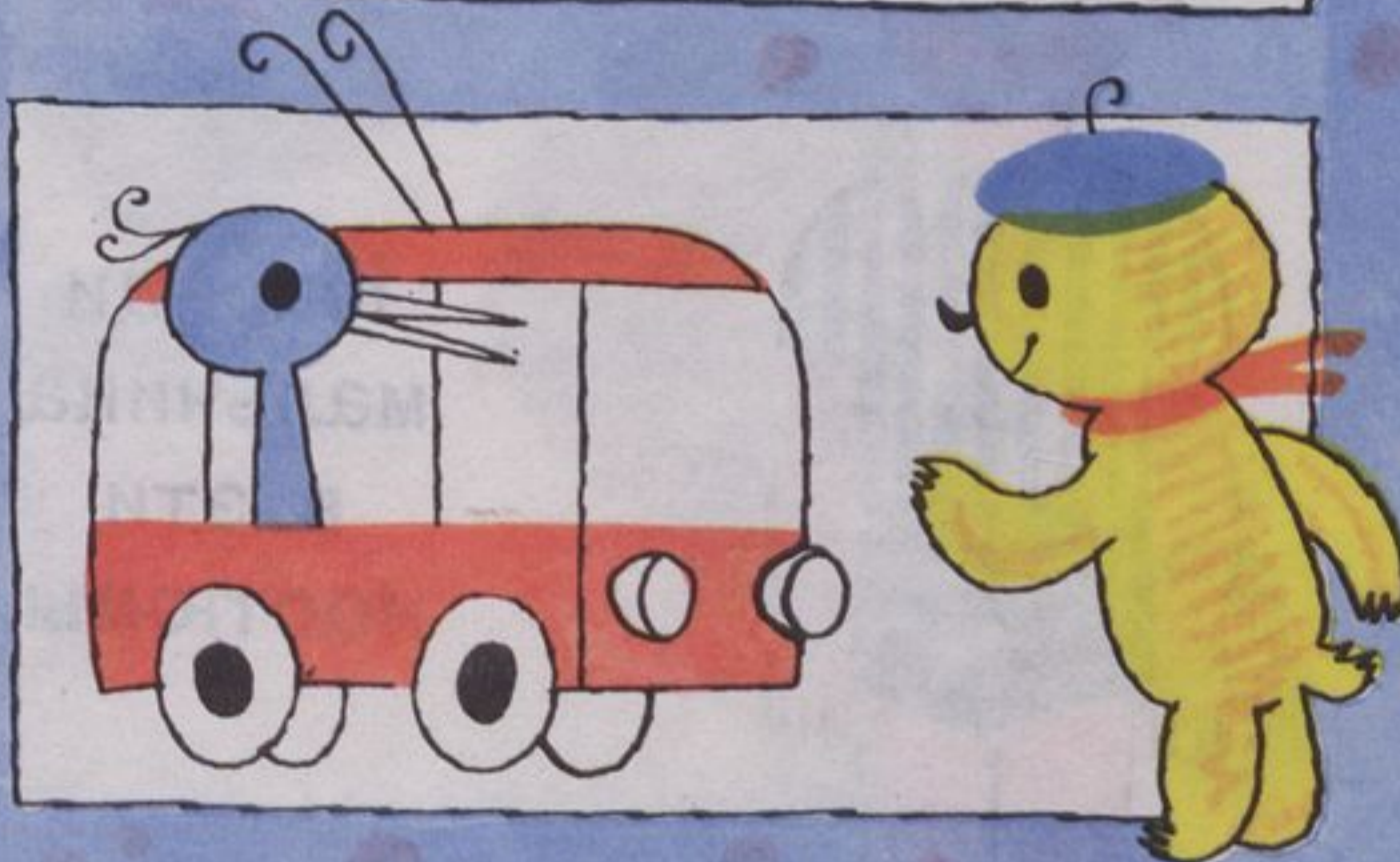
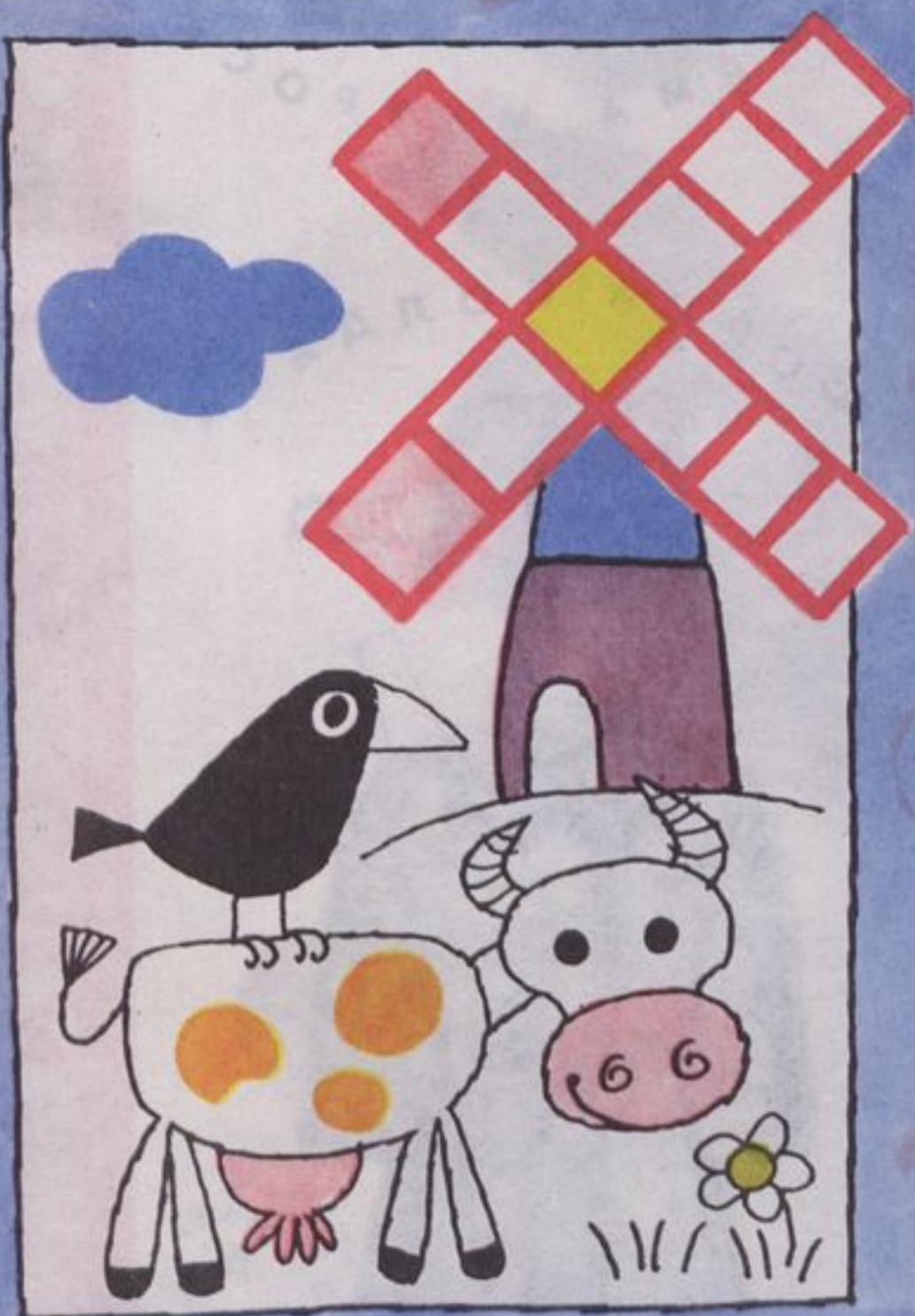
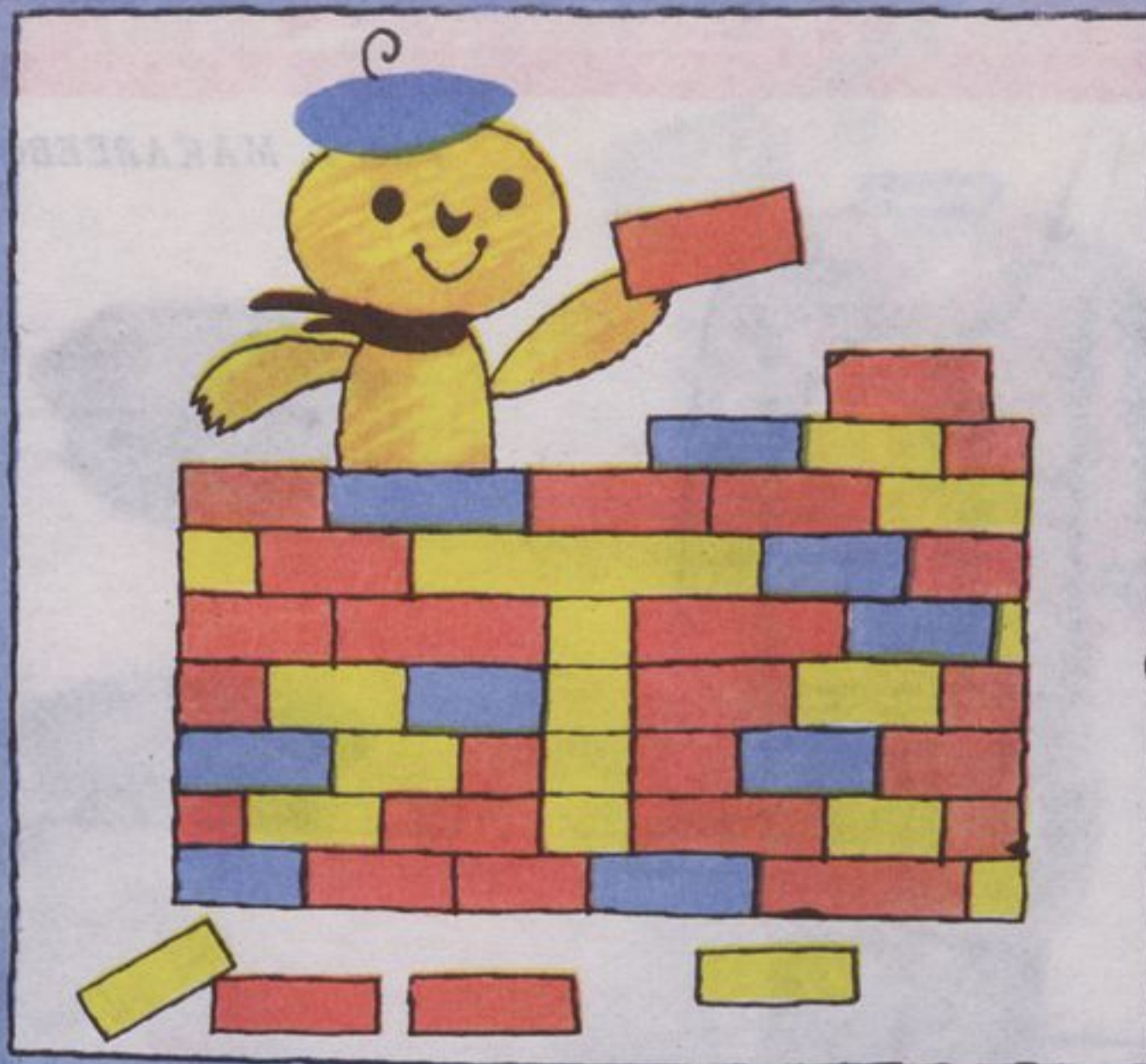

Рис. Л. ФИЛИПОВОЙ

Рисунок на обложке Э. БУЛАТОВА, О. ВАСИЛЬЕВА.

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Казаков, М. Коршунов, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв, В. Чижиков.

Художественный редактор Ю. Молоканов. Технический редактор В. Лубкова

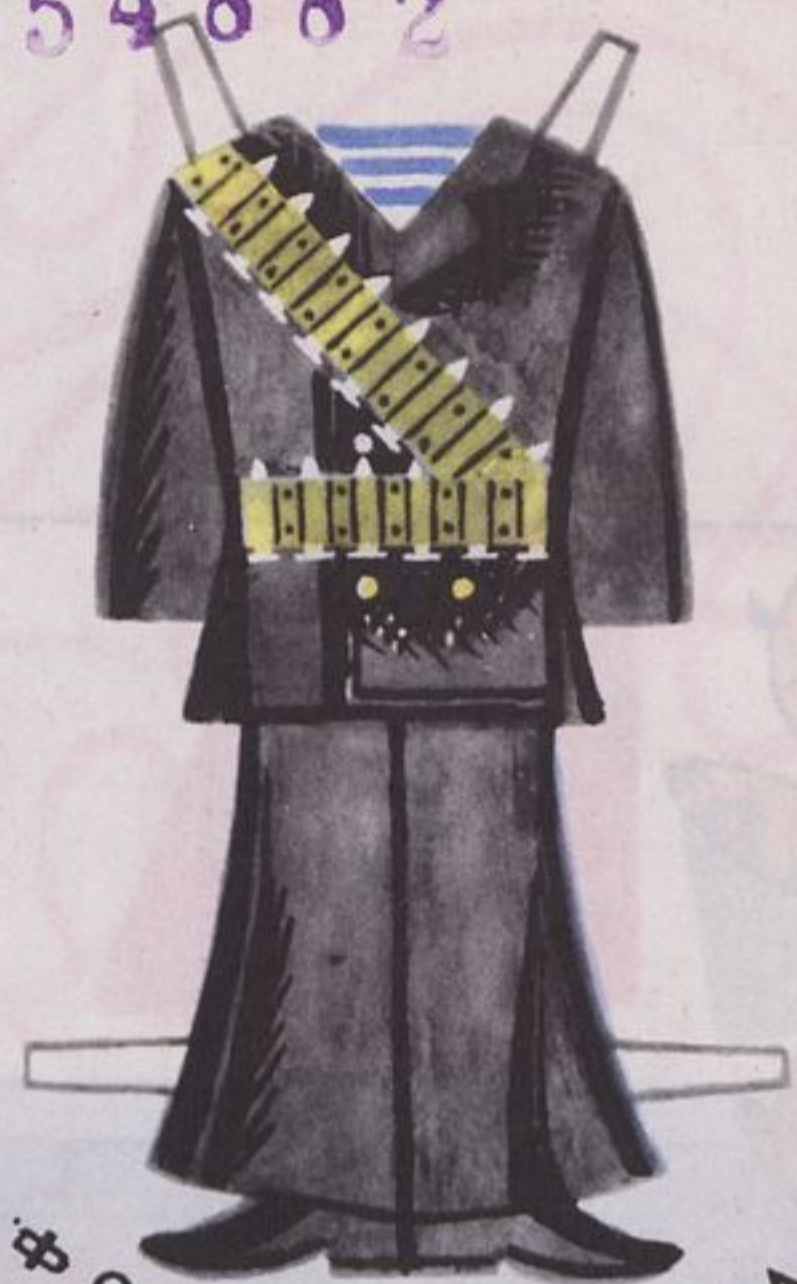
Год издания сорок четвёртый. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 2 (усл. 3,36). Уч.-изд. л. 4. Сдано в набор 10/VIII 1967 г. Подписано в печать 29/IX 1967 г. Тираж 58 00 000 экз. Цена 10 коп. Заказ 947. Адрес редакции, издательства и типографии «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.

Рис. Г. МАКАВЕЕВОЙ

- 54882

КОСТЮМ КРАСНОГВАРДЕЙЦА

ФОРМА МАТРОСА

**СДЕЛАЙ
САМ**

МАЛЬЧИК ВАСЯ

Наряди
мальчика
в эти
костюмы.

ФОРМА СОЛДАТА

Цена 10 коп.

Индекс 70553